ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

- Владимир Маяковский
  -
  - Комментарии
    -

Владимир Маяковский
АМЕРИКАНСКОЕ КОЕ-ЧТО

Жителей в США миллионов сто десять. От Ларедо через Техас до Нью-Йорка — четверо суток курьерским. Вдоль. Поперек от того же Нью-Йорка до Сан-Франциско суток пять.

В такой стране надо жить.

А я только был — и то всего три месяца. Америку я видел только из окон вагона. Однако по отношению к Америке это звучит совсем немало, так как вся она вдоль и поперек изрезана линиями. Они идут рядом то четыре, то десять, то пятнадцать. А за этими линиями только под маленьким градусом новые линии новых железнодорожных компаний.

Три поезда. Один из Чикаго в Нью-Йорк идет 32 часа, другой 24, третий 20, и все называются одинаково — экспресс.

В экспрессах — люди, заложив за ленту шляпы проездной билет. Так хладнокровней. В 9 часов вечера два негра начинают ломать дневной вагон, опускают выстланные в потолок кровати, разворачивают постель, прикрепляют железные палки, нанизывают кольца занавесок, с грохотом вставляют железные перегородки — все эти хитрые приспособления приводятся в движение, чтоб по бокам вдоль вагона установить в два яруса всего двадцать спальных коек под занавесками, оставив посредине узкий даже не проход, а пролаз. Чтоб пролезть во время уборки, надо сплошь жонглировать задами уборщиков, буквально с головой ушедших в постилаемую койку. Повернешь, выведешь его чуть не на площадку вагона, вдвоем, особенно с лестницей, влезая на второй ярус, почти не разминаешься, затем меняешься с ним местами и тогда обратно влазишь в вагон.

Раздеваясь, вы лихорадочно придерживаете расстегивающиеся занавески во избежание негодующих возгласов раздевающихся напротив вас шестидесятилетних организаторш какого-нибудь общества юных христианских девушек.

Во время работы вы забываете прижать вплотную (по-египетски!) высовывающиеся из-под занавесок голые ноги, и проклинаемый пятипудовый негр ходит вразвалку по всем мозолям. С 9-ти утра начинается вакханалия разборки вагона и приводки вагона в сидящий вид. На остановках пассажиры выбегают, жуя на ходу корешки.

В сельдерее железо — железо полезно американцам. Американцы любят сельдерей.

На ходу мелькают нерасчищенные лески русского типа,

вывески университетов, под ними площадки футболистов с разноцветными играющими, техника, техника и техника.

В этой технике есть одна странная черта — внешне эта техника производит недоделанное впечатление.

Будто стройка, стены завода не фундаментальные — однодневки, одногодки.

Телеграфные, даже часто трамвайные столбы сплошь да рядом деревянные. Впрочем, это может объясняться трамвайным обилием.

Говорят, из Нью-Йорка в Чикаго можно проехать только трамваем — без применения поездов. Огромные газовые вместилища, способные от спички взорваться и снести полгорода, кажутся неохраняемыми. Только на время войны была приставлена стража.

Откуда это?

Мне думается, от рваческого, завоевательского характера американского развития.

Американская техника, пожалуй, шире всеобъемлющей германской, но в ней нет древней культуры техники, культуры, которая заставила бы не только нагромождать корпуса, но и решетки, и двор перед заводом организовать сообразно со всей стройкой.

Мы ехали из Бикона (в шести часах автомобильной езды от Нью-Йорка) и попали без всякого предупреждения на полную перестройку дороги, на которой не было оставлено никакого места для автомобилей (владельцы участков мостили очевидно для себя и мало заботились об условиях проезда). Мы свернули на боковые дороги и находили путь только после спроса встречных, так как ни одна надпись не указывала направление.

В Германии это немыслимо ни при каких условиях, ни в каком захолустье.

При всей грандиозности строений Америки, при всей недосягаемости для Европы быстроты американской стройки, высоты американских небоскребов, их удобств и вместительности и дома Америки в общем производят странное временное впечатление. Тем более, что рядом с небоскребом часто видишь настоящую деревянную лачужку.

На вершине огромного дома стоит объемистый водяной бак. Воду до шестого этажа подает город, а дальше дом управляется сам. При вере во всемогущество американской техники такой дом выглядит подогнанным, наскоро переделанным из какой-то другой вещи и подлежащий разрушению по окончании быстрой надобности.

Эта черта совсем отвратительно проступает в постройках, по

самому своему существу являющихся временными.

Я был два часа на Раковей-бич (нью-йоркский дачный поселок — пляж для людей среднего достатка). Ничего гаже строений, облепивших берег, я не видел.

Все стандартизированные дома одинаковы, как спичечные коробки одного названия, одной формы.

Эти постройки, эти поселки — совершеннейший аппарат провинциализма и сплетни в самом мировом масштабе.

Вся Америка — Нью-Йорк в частности — в постоянной стройке. Десятиэтажные дома ломают, чтоб строить двадцатиэтажные; двадцатиэтажные — чтобы тридцати; тридцати — чтобы сорока.

Проносясь над Нью-Йорком в элевейтере, всегда видишь груды камней и других строительных материалов — слышишь визг сверл и удары молотов.

Американцы строят так, как будто дают спектакль — в тысячный раз разыгрывают интереснейшую разученнейшую пьесу.

Оторваться от этого зрелища высшей ловкости и сметки невозможно.

На твердейшую землю ставится землечерпалка. Она с лязгом, ей подобающим, выгрызает и высыпает землю и тут же плюет ее в непрерывно проходящие грузовозы.

Посередине стройки вздымается фермчатый подъемный кран. Кран берет стальные трубы и вбивает их паровым молотом (сопящим, будто простудилась вся техника) в землю, легко — как обойные гвозди. Люди только помогают молоту усесться на трубу, да по ватерпасу меряют наклоны. Другие лапы крана подымают стальные стойки, и перекладины без всяких шероховатостей садятся на место. Только сбей да свинти!

Трудно отнестись серьезно, относишься с поэтической вдохновенностью к какому-нибудь двадцатиэтажному Кливландскому отелю, про который жители говорят: здесь ему тесно (совсем как в трамвае — подвиньтесь, пожалуйста), поэтому его переносят отсюда за десять кварталов к озеру.

Но ни временные, ни стандартизированные постройки не идут в сравнение с жильем низших по заработку рабочих.

Стандартизированный дачный домишко в сравнении с их жилищем — Зимний дворец. Я смотрел в Кливлэнде вытянувшиеся вровень с трамвайной рельсой хибарки негров. Негров с лежащих здесь же в безмерной канаве бесчисленных рокфеллеровских заводов масел.

Грязные, с выбитыми стеклами, заклеенными газетами, с покосившимися, слезшими с петель дверьми.

А главное без всяких надежд при теперешних американских

условиях перелезть во что-нибудь лучшее.

Когда еще вырастут в миллионы коммунистов эти отделы рабочей партии?

Когда еще вырастут в солдат революции эти чикагские пионеры?

Когда, не знаю — но раз есть, то вырастут.

[*1926*]

Комментарии

Американское кое-что. Впервые — журн. «Красная нива». М., 1926, № 10, 7 марта. Напечатано вместе с фотографией: «Вл. Маяковский на одной из улиц Нью-Йорка».

Написан, очевидно, специально для еженедельника в феврале 1926 года и представляет сокращенный вариант третьей части книги «Мое открытие Америки», которая опубликована была в февральской книжке журнала «Красная новь» за 1926 год. Перепечатка этого очерка в еженедельном массовом приложении в газете «Известия» не только свидетельствовала об особом интересе советской общественности к американским очеркам Маяковского, но и неизмеримо расширяла читательскую аудиторию.

С. Стыкалин